

ЧУДО ПО ГАРАНТИИ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Чудо по гарантии

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Чудо по гарантии / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Герман Сапрыкин ремонтирует бытовую технику двадцать три года. В понедельник клиентка возвращает утюг: гладит хорошо, но хамит. Герман готов объяснить всё перегревом, пока утюг не высказывается и о нём. Жанна, хозяйка магазина подержанной техники, готова помочь разобраться. Только привычные проверки ничего не объясняют, а в гарантийной квитанции не предусмотрено места для мнения самого утюга. Герман привык отвечать за свою работу. Но кто теперь ответит за поведение утюга? И как пригласить Жанну на свидание, если между ними всё время кто-нибудь включён в розетку?

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гарантийный случай	5
Глава 2. Без нареканий	11
Глава 3. Неделя в клеточку	17
Глава 4. Куда делся пылесос	23
Глава 5. Холодильник занят	30
Глава 6. Две половины стола	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

А.М. Сунгурский

Чудо по гарантии

Глава 1. Гарантийный случай

Утюг принесли в коробке из-под сапог. Герман успел подумать, что сапоги, должно быть, были хорошие: коробка не расползлась, хотя на одном углу темнело мокрое пятно. Женщина поставила её на край приёмного стола, сняла крышку и положила сверху сложенную квитанцию.

— Опять шнур? — спросил он.

— Со шнуром всё прекрасно.

Она произнесла это с таким нажимом, что Герман отодвинул чашку. Кофе он только налил, но при таком начале разговора пить было рано.

— Не греет?

— Греет. Разговаривает.

Герман посмотрел на утюг. Белый корпус, синяя вставка, маленькая царапина возле регулятора. В прошлый четверг он заменил у него шнур, почистил контакты и проверил нагрев. Ничего, способного разговаривать, внутри не было. Он хорошо помнил этот заказ: женщина просила сделать побыстрее, поскольку в субботу ей предстояло идти на юбилей, а второй утюг оставил на светлой блузке след, который никакого участия в юбилее не заслуживал.

— При нагреве?

— При мне.

— Треск, свист?

— Герман Ильич, если бы он свистел, я бы сказала: свистит. Он сказал, что мне не идёт юбка.

За её плечом, на улице, остановилась женщина с самокатом. Наклонилась к рулю, потянула за что-то обеими руками и покатила дальше. Герман невольно проследил за ней до края окна. После этой маленькой понятной неудачи можно было вернуться к большой непонятной.

Он развернул квитанцию.

— Лариса Викторовна?

— Да. Вы ещё записывали мой номер.

— Я помню. Когда вы это услышали?

— Сегодня утром. Без десяти семь. Я гладила юбку, он сказал, что пояс надо отпустить, а блузку носить навывпуск. Я заплатила за замену шнура. Воспитывать меня есть кому.

Герман положил квитанцию на стол, разгладил её пальцем. На нижнем краю лежала синяя полоса от копирки; Лариса Викторовна расписалась прямо по ней. Его собственный почерк сделался незнакомым. Всё, что было написано, он действительно выполнил, и теперь это почему-то выглядело недостаточным.

— Телефон рядом не лежал?

— Лежал.

— Иногда видео само включается. Или сообщение.

— Видео знало, какая на мне юбка?

Он не ответил. Женщина всё ещё стояла, хотя у стола был стул для посетителей. На ней была простая тёмная юбка и светлая блузка, заправленная так аккуратно, что ни один бытовой прибор не нашёл бы работы. Герман старался смотреть выше воротника.

— Можно включить? — спросил он.

— Я для этого его и принесла.

Она вынула из сумки маленькую пластиковую бутылку.

— Здесь вода, если понадобится. Я слила. Вы тогда велели пустой приносить.

Ему стало немного легче. Человек, который помнил про воду в резервуаре, мог объяснить и всё остальное, если не спешить. Герман перенёс утюг на рабочий стол за низкой перегородкой, поставил на пятку, осмотрел вилку и шнур. На этот раз разбирать ничего не следовало. Сначала услышать, что именно женщина принимает за речь.

Лариса Викторовна наконец села. Сумку поставила на колени, бутылку придержала пальцами. Герман включил утюг в отдельную розетку над столом и повернул регулятор. Щёлкнул термостат, загорелся маленький оранжевый огонёк. Больше ничего не произошло.

Он подождал.

Из соседнего помещения донеслось глухое постукивание: хозяин ключевой мастерской каждый понедельник развешивал новые заготовки так, будто от расположения на стене зависела их будущая судьба. За открытой форточкой проехала машина. Кофе в чашке уже не дымился.

— Вот, — тихо сказала Лариса Викторовна. — Теперь, конечно, молчит.

— Пусть нагреется.

— Дома он не ждал.

Герман достал чистый лоскут хлопчатобумажной ткани, положил на обтянутую доску. Доска была короткая, без ножек; для проверки хватало. Он взял утюг, провёл по ткани и вернул на пятку.

— Регулировка работает. Запаха нет.

— Я же сказала, он хорошо работает.

— Угу.

На обычном бланке повторного обращения было место для трёх строчек. Герман взял ручку, задержал её над первой и написал: «Посторонний звук при работе». Подумал, перечеркнул слово «при» и перенёс его чуть правее, чтобы поместилось уточнение. Лариса Викторовна привстала со стула.

— Это не посторонний звук. Это совершенно определённое замечание в мой адрес.

— Пока записываю с ваших слов.

— Записывайте, пожалуйста, точнее.

Он сдержался. За двадцать три года работы люди приносили ему чайники, которые переставали кипеть только по вечерам, пылесосы, пахнущие чужим табаком, и однажды миксер, будто бы вызывавший тоску. У миксера оказалась сломана одна из насадок: тесто взбивалось плохо, женщина никак не могла повторить удачный рецепт, а тосковать имела все основания. Если сначала дать человеку высказаться, почти всегда находилось место, откуда начинать проверку.

Утюг вздохнул.

Герман не сразу убрал ручку. Звук был короткий, сухой; так могла вздохнуть подошва, коснувшись мокрой ткани. Но подошва ничего не касалась.

— Складку оставили, — произнёс утюг.

Герман посмотрел на Ларису Викторовну. Она сидела с открытым ртом, и по её лицу было видно, как торжество опоздало за страхом.

— Слышали?

Он поднял палец. Не для тишины, а потому, что нужно было сделать хоть что-нибудь вместо ответа. Голос прозвучал совсем рядом с его правой рукой — негромкий, ясный, чуть плоский. Герман наклонился к окну. Во дворе никого не было.

— Возле края, — сказал утюг. — Вы одним движением прошли и довольны.

Герман выдернул вилку.

Рука осталась над столом со шнуром в пальцах. Он чувствовал вес пластмассы и неприятный холод у себя под рубашкой. В соседней мастерской звякнул упавший ключ.

— Я тоже сначала так сделала, — сообщила Лариса Викторовна.

— Что?

— Выключила. Потом включила. Думала, мне показалось.

Герман положил вилку, отошёл к приёмному столу и посмотрел на лежавший рядом с чашкой телефон. Экран был тёмный. Он взял аппарат, показал женщине и убрал в ящик.

— Ваш телефон где?

— В сумке.

— Вы можете его выключить?

Она послушно достала телефон. Несколько секунд не попадала пальцем куда надо; Герман заметил, что руки у неё дрожат. Ему захотелось сказать что-нибудь ободряющее, однако всё, что приходило в голову, начиналось с неправды.

— Не торопитесь, — сказал он.

Когда экран погас, он открыл ящик, выключил и свой. В мастерской не было ни радио, ни телевизора. Иногда Герман слушал музыку через телефон, но по понедельникам к открытию приходили люди, и музыка обычно оставалась на потом. Он взглянул на часы над дверью: десять минут десятого. Рабочий день ещё почти не начался.

— Вы давно к нам ходите? — спросил он.

— К вам? Второй раз.

— Кто посоветовал?

Лариса Викторовна нахмурилась.

— Зоя. Из соседнего отдела. Но она не могла. У неё отпуск.

Женщина сама догадалась, о чём он думает, и от этого Герману стало стыдно. Он положил ладони на стол.

— Я пока не понимаю.

— Я тоже. Мне в восемь на работу надо было. Я начальнице сказала, что у меня срочно по дому. Врать пришлось.

— Почему врать? По дому и есть.

— Тогда это первая честная вещь за утро.

Герман вернулся за перегородку и опять включил вилку. На этот раз утюг молчал дольше. Лариса Викторовна встала и подошла к границе приёмной. Герман не возражал. Она смотрела на прибор с таким вниманием, словно ждала от него не речи, а движения.

— Вы меня слышите? — спросил Герман.

Маленький огонёк погас. Термостат щёлкнул, через несколько секунд опять стало тихо.

— Вот она, — сказал утюг. — Возле самого края.

Герман посмотрел на лоскут. Складка действительно осталась: узкая, косая, возле обрезанной кромки. Он провёл по ней ногтем.

— Я не про ткань.

— А зачем её принесли?

Лариса Викторовна прижала бутылку к животу. Горлышко скрипнуло под её ладонью.

— Видите? Со мной точно так же. Я ему объясняю одно, он мне другое.

Герман присел на свой высокий табурет. Теперь между его лицом и ручкой утюга осталось не больше полуметра. Вблизи корпус был самый обыкновенный: светлые следы возле отверстия для воды, потёртая отметка на регуляторе. Никакой решётки, кроме тех, которые полагались этой модели. Ничего, что объясняло бы голос.

— Вы знаете, где находитесь?

— Здесь тесно.

— Это мастерская. Я вас ремонтировал.

— Хорошо. Тогда доску сделайте подлиннее.

Герман открыл рот, закрыл его и неожиданно почувствовал злость. Из всех невозможных вещей утюг выбрал именно ту, которая была ему известна. Полноценную гладильную доску некуда ставить, складную некуда убирать; он давно присматривал узкую настенную, но всякий раз находилась более нужная покупка.

— Для проверки хватает.

— Вы проверили. Теперь можно нормально погладить.

Герман встал.

— Я сейчас остужу его и посмотрю внутри.

— Вы же уже смотрели, — напомнила Лариса Викторовна.

— В четверг он не разговаривал.

— А вдруг разговаривал, только вы не заметили?

Он хотел возразить, что уж такую вещь непременно заметил бы, но вспомнил наушник в ухе. В четверг ему звонили по поводу доставки компрессора, он проверял нагрев и одновременно слушал, почему «завтра утром» больше не означает завтра утром. Ничего похожего на голос он не помнил. Это было всё, что можно было сказать честно.

Герман повернул регулятор, отключил прибор и оставил остывать на подставке. Потом достал телефон из ящика.

— Нам понадобится запись.

— Вы в интернет собираетесь?

— Нет. Я хочу понять, слышим мы одно и то же или нет.

Лариса Викторовна медленно села обратно.

— Только меня не снимайте. Пожалуйста.

— Звук.

Пока телефон включался, она спросила, можно ли воды. Герман указал на кулер у двери; женщина посмотрела на свою бутылку, покачала головой и взяла бумажный стаканчик. В принесённой воде не было ничего дурного, но пить её после всего, что произошло, она почему-то не хотела. Герман понимал это лучше, чем происходящее с утюгом.

Утренний свет медленно продвигался по приёмному столу. Из окна было видно, как в дальнем конце двора водитель фургона сдаёт назад, а человек в сером жилете показывает ему раскрытую ладонь. Герман следил за ними и ловил себя на желании выйти, помочь поставить машину, сделать что-нибудь, в чём понятно, куда смотреть и чего нельзя задеть.

— Он и про юбилей сказал, — произнесла Лариса Викторовна.

— Что именно?

— Что не надо было мне туда идти. Я подумала, откуда он знает. А потом вспомнила: сама болтала. С сестрой по телефону. Гладила и болтала.

— Сегодня?

— Да. Седьмой час, а она уже спрашивает, кто был и кто сколько подарил. Ей всё интересно.

Герман кивнул. У этого хотя бы был возможный источник.

— А на юбилей что случилось?

— Ничего. Обычный юбилей. Плохо сделали салат, рано включили музыку. Устала. Но я ведь не из-за этого вернулась.

— Конечно.

Он снова включил утюг и запустил диктофон. На экране побежала тонкая линия. Герман произнёс дату, девятое июня, затем своё имя; после небольшой паузы назвал прибор.

— Утюг, — повторил тот.

Линия вздрогнула. Герман почувствовал внезапное облегчение, хотя запись ничем не улучшала положение.

- Скажите ещё что-нибудь.
- Что?
- Любую фразу.
- Зачем?
- Для записи.
- Вы сейчас гладить будете или беседовать?

Герман выключил запись. Лариса Викторовна засмеялась — очень коротко, будто у неё вырвался чих.

- Извините. Просто я с ним ровно так полчаса провела.

Он нажал воспроизведение. Из телефона послышался его собственный глуховатый голос, потом ответ утюга. В записи второй голос стал немного тоньше, но слова были те же. Женщина протянула руку и попросила повторить. Герман повторил. На этот раз оба смотрели на телефон.

- Я его не возьму, — сказала она.

- Сегодня оставьте.

— Я вообще не возьму. У меня маленькая квартира. Мне там спорить не с кем, и я к этому привыкла.

Герман потёр лоб. Достаточно было сказать, что случай не относится к замене шнура; формально это даже казалось разумным. Но утюг стоял у него на столе, разговаривал в телефон, и выпроваживать хозяйку с такой вещью домой было нельзя. Она заплатила за замену шнура, а теперь боялась включать собственный утюг.

— Я оставлю его на проверку. Денег за неё не возьму. Сегодня позвоню, скажу, что удалось понять.

- У меня другой утюг пятна оставляет.

Он отключил бело-синий утюг и оглянулся на полку. Там стоял простой серый прибор, собственный, которым он пользовался в мастерской до появления каждого следующего утюга. На нём не работал пар, зато нагрев был исправен.

— Могу дать этот. Без пара. Дома ткань слегка увлажните, если нужно. На светлом сначала через чистый лоскут попробуйте.

Лариса Викторовна не потянулась за ним.

- Вы его тоже чинили?

- Года три назад.

- И он всё это время молчал?

Герман посмотрел на серый корпус.

- При мне — да.

Женщина подумала и согласилась. Он проверил холодную подошву, упаковал запасной утюг в её коробку, а бело-синий оставил на подставке. В квитанции рядом с прежней неисправностью написал: «Повторное обращение. Речь при подключении к электросети». Ручка на слове «речь» немного подвела, и он обвёл первую букву ещё раз.

- Вот теперь правильно, — сказала Лариса Викторовна.

Она записала на обороте время, когда ей можно звонить, и отдельно попросила не обсуждать подробности с коллегами, если кто-то возьмёт трубку. Потом убрала бутылку в сумку. У двери остановилась.

- Юбка нормальная?

Герман поднял на неё глаза.

- Я в юбках не разбираюсь.

- По крайней мере, признаётся.

Она вышла со своей коробкой. Герман проводил её взглядом и перевернул табличку на двери: «Технический перерыв». Раньше он пользовался этой стороной, когда надо было уйти в магазин за хлебом или принимать доставку со двора. Теперь название подходило как никогда.

Он вернулся к утюгу. Включать снова не хотелось. Следовало открыть корпус после остывания, проверить, не подложил ли кто-нибудь крошечное устройство. Найти батарейку, провод, хоть что-нибудь. Герман прекрасно понимал, что спрятать устройство, не изменив вес и вид знакомого прибора, было бы непросто. Но сложный розыгрыш всё ещё оставался работой человеческих рук.

Когда подошва остыла, он убрал чашку, освободил середину стола и приготовил маленькую ёмкость под винты. Пальцы уже привычно выбрали отвёртку, однако перед первым движением он задержался. Утюг лежал на мягкой подкладке, белой ручкой к нему. На синем боку виднелась наклейка с номером заказа.

Герман перевернул прибор обратно, поставил на пятку и подключил, оставив регулятор на минимуме.

— Я хочу вас осмотреть, — сказал он. — Отключу, открою корпус. Потом соберу.

Утюг помолчал.

— Доску тоже?

— Нет. Доску пока не буду.

— Тогда зачем разбирать меня?

Герман сел на табурет.

— Потому что вы не должны разговаривать.

Сказав это вслух, он почувствовал, как странно прозвучало «должны». У него не было ни одной инструкции с таким запретом. Там вообще ничего не говорилось о разговоре.

Утюг ответил не сразу:

— Я вам мешаю?

Герман посмотрел на отвёртку. Она лежала поперёк пустой ёмкости, жёлтой ручкой к краю. За стеной перестали стучать. Было слышно, как за окном водитель просит кого-нибудь придержать створку ворот.

— Мешаете понять, что происходит, — сказал он наконец.

— Это вы спрашиваете, я отвечаю.

Телефон зазвонил, прежде чем Герман придумал, что возразить. На экране появилось «Жанна, техника». Он взял аппарат с благодарностью к человеку, о котором утром ещё не успел вспомнить.

— Да, Жанна.

— Ты на месте?

— На месте.

— Не уходи. Я еду к тебе.

— У меня сейчас перерыв.

— У меня тоже. Прервалась уверенность в завтрашнем дне. Помнишь серебристую кофеварку, которую я у тебя забрала в пятницу?

Герман медленно повернулся к бело-синему утюгу.

— Помню.

— Покупатель утверждает, что она его оскорбляет. Я сказала, такого быть не может. Она попросила не перебивать.

Он закрыл глаза и открыл обратно. Мастерская осталась на месте.

— Привози.

— Это ещё не всё. Он хочет деньги назад, а я их уже потратила.

— На что?

— На следующую партию, Герман. Я же не предполагала, что эта начнёт вести переговоры самостоятельно.

Глава 2. Без нареканий

Жанна поставила машину у въезда во двор и несколько секунд сидела, положив руки на руль. Серебристая кофеварка ехала на полу за передним сиденьем, в открытом ящике, обложенная полотенцами. Молчала она всю дорогу. Это было удобно и одновременно обидно: у Жанны наконец появилось время ответить, а собеседница выбрала тишину.

С улицы долетел чей-то смех. Она посмотрела на себя в зеркало, стёрла пальцем светлую крошку у губ и взяла телефон. Виталий успел прислать три сообщения. В первом повторял сумму покупки, во втором прилагал видео, в третьем писал: «Евгения говорит, не торопитесь с возвратом, может, можно отключить звук». Между первым и последним прошло семь минут.

Жанна набрала: «Разбираемся. Сегодня сообщу».

Потом дописала: «Бесплатно».

Она смотрела на последнее слово, понимая, что его никто не просил, и всё-таки отправила. Иначе сообщение выглядело так, будто ей ещё было что продать этому человеку.

Из дверей мастерской вышел Герман. До машины он не дошёл: остановился у чугунной решётки над подвальным окном, посмотрел в одну сторону, в другую, словно проверял, не выставили ли во дворе декорации. Жанна посигналила. Он вздрогнул и только после этого её заметил.

— Внизу, — сказала она, открывая заднюю дверь. — За сиденьем. Воду слили, полотенце на всякий случай.

Герман присел, взял ящик с двух сторон. На его рубашке возле воротника темнело маленькое пятно; обычно он работал в серой куртке, которую никак не удавалось заставить чистой. Сегодня куртки не было. Жанна обратила на это внимание и рассердилась на себя: человек несёт её финансовое затруднение, а она смотрит на воротник.

— Ты её слышал по телефону? — спросила она.

— Нет. Слышал тебя.

— У меня видео есть.

— Посмотрим.

Он понёс ящик к мастерской. Жанна взяла сумку, заперла машину и пошла следом. Во дворе возле стены лежали свёрнутые рекламные растяжки; какой-то магазин собирался открыться или закрыться, по обратной стороне винила было не понять. Одна растяжка распрямилась на ветру, показав слово «НОВОЕ». Жанна переступила через её край.

В приёмной стояла пустая чашка и лежал раскрытый бланк. Герман задвинул щеколду, поставил ящик за перегородкой и снова подключил утюг, который отключал перед выходом. Жанна увидела его на подставке и остановилась.

— Этот тоже?

— Да.

— Что делает?

— Разговаривает.

— Это я уже поняла. О чём?

Герман показал на короткую обтянутую доску.

— Недоволен оборудованием.

Жанна засмеялась. Смех получился слишком громким для маленького помещения, и она прикрыла рот ладонью.

— Прости. У меня с утра никто не спросил, чего я хочу. Очень освежает, когда утюг уже определился.

— Он сейчас включён, — предупредил Герман.

Она убрала руку и внимательно посмотрела на белый корпус.

— Здравствуйте.

Утюг молчал.

— Не всегда отвечает, — пояснил Герман.

— На покупателей похож.

Он вынул кофеварку из ящика, достал чистую салфетку и вытер мокрый след, оставшийся под ней. Жанна привыкла к его медлительности: если ей требовалось забрать заказ к пяти, она говорила, что приедет в четыре, и в четверть шестого получала вещь, которой можно было доверять. Сегодня эта неторопливость раздражала меньше обычного. Герман не улыбался с видом человека, которому сейчас расскажут глупость. Он уже находился внутри глупости и освобождал для неё место на столе.

— Ты её продала в субботу? — спросил он.

— В пятницу отвезла. В субботу оплатили. Бюро переводов, Виталий хозяин. Семь человек работают, хотели маленькую, не автомат, чтобы каждый сам себе. Я им сразу сказала: чистить надо, воду наливать надо, молоко она сама из магазина не принесёт. Всё поняли.

— В пятницу молчала?

— В пятницу я там две чашки сделала. Обсуждали только мы. Сначала цену, потом скидку. Потом ещё цену, как будто она могла измениться от усталости.

Жанна открыла присланное видео, увеличила громкость и положила телефон на сухой край стола. В кадре стоял Виталий с белой чашкой. Женщина за камерой сказала: «Попробуйте ещё раз». Он нажал кнопку, дождался тонкой струйки и начал объяснять, что за такие деньги можно было ожидать более приличный результат.

— Вы уже третью пьёте, — произнёс голос.

Виталий резко обернулся. Камера качнулась, показала край шкафа и вернулась к кофеварке.

— Кто это сказал?

— Вы подставьте чашку ровно. Половина мимо.

На этом видео закончилось. Жанна нажала паузу на чёрном экране, хотя останавливать было нечего.

— Он решил, я ему продала колонку с кофеваркой. Потом Евгения говорит: «Но у неё нет колонки». Потом я приехала и велела всё выключить. Они выключили. Я им сказала, что нельзя делать выводы по одному утру. Включили обратно. Она попросила не перебивать и ещё раз сказала про чашку.

Герман посмотрел на серебристый бок.

— Звук отсюда шёл?

— Да. Мне не нравится, что ты так спокойно спрашиваешь.

— Я до тебя испугался.

Он произнёс это, не поднимая глаз, и Жанна вдруг почувствовала к нему близость, для которой не имелось никакого подходящего названия. Они знали друг друга полтора года, спорили о сроках и стоимости деталей, однажды вместе вытаскивали из её машины стиральную машину, которая решительно не хотела выходить тем же путём, каким вошла. Но о страхе Герман с ней ещё не разговаривал.

— Я тоже, — сказала она. — В бюро держалась, а в машине... В общем, не сразу завела. Он кивнул, словно она сообщила важную техническую подробность.

— Воду можно из кулера взять?

— Можно.

Пока Жанна наполняла съёмный бачок, он проверил шнур и сухие соединения. Кофеварка стояла отключённая. Герман не торопился разбирать корпус; Жанна спросила почему, и он показал на утюг.

— С этим собирался. Пока не стал.

— Боишься испортить?

— Не знаю, что буду искать.

Она поставила бачок на место. Герман включил прибор.

Сначала было слышно только привычное слабое гудение. Загорелась лампочка. Жанна, сама не заметив, взяла его за рукав; он посмотрел на её пальцы и остался стоять. Через несколько секунд из корпуса раздалось:

— Куда меня принесли?

Она отпустила рукав. Всё оказалось настоящим и здесь, среди отвёрток, запасных шнуров и запаха старого дерева. На чужой кухне ещё можно было искать человека, который что-то придумал. В мастерской искать было негде.

— Ты у меня, — сказал Герман. — Я тебя ремонтировал.

— Вода не идёт?

— Идёт.

— Тогда зачем?

Утюг негромко щёлкнул.

— Он всех хочет разобрать.

Герман повернулся к нему.

— Не всех.

— Меня хотел.

— Я сказал — осмотреть.

Жанна села на табурет, который раньше занимал Герман. Ноги вдруг стали ненадёжными. Приборы были знакомые, обычные, с вещевыми следами чужой жизни. Она сама отмывала жирный налёт с серебристого бока, когда купила эту кофеварку в составе партии после закрывшейся небольшой кондитерской. В ящике с ней лежал красный половник, две крышки без кастрюль и початая пачка салфеток. Жанна тогда обрадовалась, что салфетки чистые: пригодятся для упаковки. Теперь половник вдруг казался частью мира, который закончился на прошлой неделе без объявления.

— А вы друг друга слышите? — спросила она.

Герман посмотрел на неё так, будто вопрос был очевидный и в то же время она первая додумалась его задать.

— Здесь кто-то ещё, — ответила кофеварка.

— Утюг, — сказала Жанна. — Справа. Белый с синим.

— Я вижу. Зачем его на кухню поставили?

— Это мастерская.

— Здесь кофе пахнет.

Герман взглянул на собственную чашку.

— Растворимый.

Кофеварка помолчала.

— Тогда понятно.

Жанна опустила голову, прижав пальцы ко лбу. Ей хотелось снова засмеяться, и одновременно она боялась, что, начав, не сможет остановиться. Герман оказался предусмотрительнее: налил ей холодной воды и поставил стакан на край перегородки, подальше от приборов.

— Спасибо, — сказала она.

Он вернулся к столу.

— Расскажи, что ты помнишь.

— Чашку поставили криво.

— Раньше.

— До неё была зелёная. Та стояла хорошо.

— А до чашек? Пятницу помнишь? Когда тебя сюда приносили?

— Нет.

— Кондитерскую?

— Какую?

Жанна подняла голову. Откуда бы этот голос ни взялся, прежних владельцев кофеварка, похоже, не помнила. Она не могла сейчас обратиться к Жанне с обидным замечанием, что была куплена за бесценок и продана с прибылью. Облегчение вышло таким нелепым, что Жанна выпила полстакана, лишь бы занять рот.

— А меня помнишь? — спросила она.

— Вы сказали, что я работаю без нареканий.

Герман медленно посмотрел на неё.

— Это сегодня, — сказала Жанна. — Я там попыталась объяснить...

— У меня были нарекания, — продолжила кофеварка. — Просто никто не слушал.

В дверь постучали. Жанна оглянулась, радуясь, что хотя бы стук шёл с привычной стороны. Снаружи стоял сосед, который делал ключи. В одной руке он держал кружку, другой указывал на перевернутую табличку.

Герман отключил оба прибора, прошёл к двери и отодвинул щеколду.

— Что у тебя? — спросил сосед. — Воды нет?

— Есть.

— А чего закрыто?

— Работа сложная.

Сосед увидел Жанну и сразу отступил.

— А. Я потом.

— Не потом, — сказала она. — Сейчас. Послушайте, пожалуйста, одну вещь.

Герман посмотрел на неё. Жанна встала с табурета.

— Мне нужно, чтобы кто-нибудь ещё это услышал. Не покупатель и не мы.

Сосед переступил порог, осторожно неся полную кружку. На нём был длинный синий халат, старомодный, с разошедшимся швом возле кармана. Жанна раньше видела его через дверь, но имени не знала.

— Павел Тимофеевич, — представился он, заметив её взгляд. — Что слушать?

Герман закрыл дверь, принёс из приёмной стул и поставил так, чтобы сосед мог видеть стол, но не садился рядом с горячей подошвой. Потом подключил кофеварку. Утюг оставил отключённым.

— Мы продолжаем, — сказал он.

— Что?

— Разговаривать.

Павел Тимофеевич опустился на стул, держа кружку двумя руками. Посмотрел на пол, потом под стол.

— Колонку поставил?

— Нет, — ответил Герман.

— А где звук?

— От неё.

Жанна подождала, пока сосед наклонится и рассмотрит прибор. Кофеварка не помогала: молчала с тем неуместным достоинством, которое бывает у вещей, внезапно ставших дороже.

— Скажите ему что-нибудь, — попросила Жанна.

Павел Тимофеевич посмотрел на свой чай.

— Доброе утро.

— У вас пакетик давно лежит, — сказала кофеварка.

Он медленно вынул ложкой чайный пакетик, положил на приготовленную Германом салфетку и только потом спросил:

— Давно так?

— Сегодня, — ответил Герман. — Утюг ещё. Лариса Викторовна принесла.

Сосед обернулся на дверь, как будто женщина могла всё ещё ждать снаружи. Потом провёл ладонью по седым волосам.

— У меня утром сигнализация не снялась. Но я думал, батарейка.

— У тебя и есть батарейка, — сказал Герман.

— Ты откуда знаешь?

Он не нашёлся с ответом. Жанна достала телефон и спросила, можно ли записать несколько реплик с Павлом Тимофеевичем. Тот согласился, но потребовал сначала убрать кружку: знакомые потом скажут, что он только и делает, что пьёт чай. Она объяснила, что видео не нужно, хватит звука. Сосед всё равно отнёс кружку к кулеру.

Запись заняла меньше минуты. Кофеварка ответила, что не знает Павла Тимофеевича, не хочет угадывать его возраст и не понимает, зачем он всё это спрашивает. Он выслушал свой голос, долго разглядывал экран, а потом поднялся.

— Я дверь не запер, — сказал он.

Герман проводил его до порога.

— Пока никому не рассказывай.

— Кому я расскажу? Мне люди ключи доверяют.

Павел Тимофеевич вышел во двор, вернулся за кружкой и ушёл снова. Через стену было слышно, как он открывает свою дверь, долго возится с чем-то на столе, а потом включает маленький радиоприёмник. Обычный мужской голос начал рассказывать о пробках. Жанна почувствовала к этому голосу неожиданную благодарность.

— Ему тоже страшно, — сказала она.

— Конечно.

— Ты попросил молчать, потому что сам пока не понимаешь?

Герман выключил кофеварку.

— Потому что мне сейчас должны привезти ещё холодильник. Обычный. Я хотел до обеда снять размеры полки, а теперь даже не помню, куда положил рулетку.

Жанна посмотрела на его руку. Рулетка была прицеплена к поясу.

Она ничего не сказала, подошла и осторожно сняла её с зажима. Положила перед ним. Герман опустил глаза, а потом оба всё-таки засмеялись — тихо, без большого веселья, но уже не от испуга.

— Надо позвонить Виталию, — сказала Жанна. — Он ждёт, что я сейчас объясню, как выключить звук.

— Вилка.

— Спасибо. Это сильно сократит разговор.

Она набрала номер и включила громкую связь с согласия Германа. Виталий ответил сразу. Он уже не говорил о возврате денег: Евгения позвала коллег, показала запись, и в бюро начался спор, который, по его словам, остановил всю работу.

— Значит, вы тоже слышите? — спросил он.

— Да.

— Никакой функции в инструкции нет?

Герман приблизился к телефону.

— Нет. Я проверяю причину. Пока оставить её на сутки можно?

— Можно. Только ничего не стирайте.

— Что не стирать?

— Ну, память. Или как это называется. Евгения говорит, там надо понять, откуда берутся ответы. Она спросила про зелёную чашку, представляете? Про её личную.

Жанна вспомнила только что услышанное. Она не стала объяснять Виталию, что чашку кофеварка, вероятно, просто видела. Сначала надо было договориться о завтрашнем дне, пока он опять не вернулся к деньгам.

— Сегодня вечером я позвоню. На завтра решим отдельно. Пока никакой доплаты и никаких обещаний. Согласны?

— Да. А можно видео у себя выложить?

Жанна посмотрела на Германа. Он качнул головой, но дело было не только в нём. Видео сняли в чужом бюро, чужой покупатель держал на нём чашку. Запретить распоряжаться собственной историей она не умела, да и не собиралась учиться этому в понедельник.

— Я бы подождала, — сказала она. — Вы ещё сами не знаете, что показываете. И Евгению спросите, она вас снимала. Мы к вечеру разберёмся хотя бы с тем, что можем проверить.

— Ладно. До вечера.

Закончив разговор, Жанна прислонилась к приёмному столу. Герман молча вынул журнал заказов из-под стопки инструкций. Журнал был бумажный, толстый, обложка по краям протёрлась. Она много раз предлагала перенести всё в таблицу; Герман отвечал, что тогда на столе появится ещё один прибор, который нужно беречь от пыли.

— Когда ты у меня последнее забирала? — спросил он.

— В пятницу кофеварку и вентилятор. Во вторник вафельницу. Пылесос раньше, кажется, в понедельник. Я посмотрю по переводам.

Он открыл разворот, нашёл нужную неделю и провёл пальцем вниз. Жанна вынула из сумки блокнот с чеками. Между листами лежал список продуктов; помидоры, хлеб и средство для мытья пола соседствовали с суммами, которые надо было получить до конца недели.

Герман придвинул ей стул. Она села, разложила бумаги и впервые за утро подумала, что вдвоём они, возможно, справятся. Рядом с его аккуратными клетками хотелось разложить собственный беспорядок, а не спрятать его поглубже в сумку.

Из соседней мастерской донеслась музыка. Павел Тимофеевич сделал погромче, и они некоторое время работали под неё, не разговаривая.

Глава 3. Неделя в клеточку

В журнале прошлый понедельник начинался с пылесоса и кончался фамилией человека, который уже третий месяц собирался забрать мясорубку. Между ними Герман записал номер подшипника. Номер был обведён дважды, и сейчас казалось, что именно его следовало срочно куда-нибудь сообщить.

Жанна прижала локтем щеки, чтобы они не сворачивались.

— Пылесос я забрала второго. Вот перевод тебе. А продала четвёртого. Всё правильно, женщина за ним вечером приехала.

— Робот?

— Да. Ты ему аккумулятор менял. Она ещё спрашивала, будет ли он под кроватью убирать. Я сказала, если по высоте пройдёт.

Герман выписал заказ на чистый лист. Под ним появилась вафельница, выданная во вторник. В среду он закончил холодильник, в четверг — утюг и швейную машину. Пятничные строчки заняли кофеварка и вентилятор.

— Семь, — сказала Жанна.

— Семь готовых. Ещё насос от стиральной лежит. Я к нему не подходил.

— И мясорубка.

— Мясорубка с марта. Не надо её в эту неделю.

Он перевернул страницу, посмотрел субботу. Там были две диагностики и обещание заказать крышку. В воскресенье мастерская не работала. Герман помнил, как отмывал дома сковороду, которую зачем-то оставил в раковине до выходного; ничего необычного с ней не произошло, кроме того, что после мытья захотелось сразу поесть.

Жанна переписала телефоны напротив вещей. Четыре прибора она забирала на продажу, три принадлежали заказчикам Германа. Утюг и кофеварку отметили галочками. Возле остальных пока не находилось даже подходящего значка: крестик выглядел слишком окончательно, вопросительный знак — слишком бодро.

— Ты им всем что-нибудь одинаковое делал?

— Ремонтировал.

— Более редкое.

Герман принялся вспоминать. Пылесос разобрал здесь, на верстаке. Вафельницу тоже. Холодильник стоял у дальней стены, где сейчас были пустые ящики: на стол он бы не поместился даже без дверей. Утюг, машинка, кофеварка, вентилятор — всё обычное, знакомое, с неисправностями, которые он нашёл и устранил. Никакого единственного движения, после которого техника начинала отвечать, не было.

— Может, средство новое? — спросила Жанна. — Ты чем-нибудь чистишь?

Он показал на бутылку возле мойки.

— Эту я в феврале купил.

— А свет не мигал?

— В четверг лампа мигала. Я её заменил.

— Может, всё-таки свет?

— Жанна, я не знаю.

Она убрала чек, который всё это время разглаживала большим пальцем. На тонкой бумаге уже проступало светлое пятно.

— Я тоже. Но когда молчишь, хуже.

Герман снова посмотрел на семь строк. Пока говорили два прибора. Остальные попали сюда только потому, что у недели было начало и конец, а у него — журнал. Если бы Лариса

принесла утюг во вторник, он, возможно, провёл бы черту в другом месте. Этого он Жанне объяснять не стал. Она и без того перестала улыбаться.

В стекле двери показалось чужое плечо. Герман отодвинул щеколду.

— Куда ставить? — спросил мужчина в кепке.

За ним второй мужчина держал край холодильника. Белый, невысокий, с серой лентой поперёк дверцы. Герман вспомнил вчерашний разговор о сломанных направляющих для полки. Хозяйка сначала обещала привезти одну полку, потом прислала фотографии стенок, потом решила, что проще привезти всё.

— Сюда пока, к стене. Порог аккуратнo.

Он освободил место, убрал с прохода ящик от кофеварки. Мужчины внесли холодильник, сняли ремни. Один вытер лицо рукавом и оглядел приёмный стол, на котором Жанна поспешно накрыла список пустым бланком.

— Проверять будете?

— Сначала крепление посмотрю. Сейчас включать не нужно.

— Он морозит. Там полка вниз уезжает.

— Помню.

Мужчина всё равно открыл дверь и показал. Внизу стояла пустая банка из-под огурцов: видимо, её использовали для демонстрации неисправности и забыли вынуть. Он поставил банку на полку. Та накренилась, банка с тихим стуком съехала к нему в ладонь.

— Вот.

— Да, вижу.

Второй грузчик тоже заглянул внутрь.

— У меня дома так же. Я кусок деревяшки подложил.

— Это мамин, — сказал первый. — Маме надо нормально.

Герман снял размеры, отметил повреждения, закрыл холодильник. Работа занимала ровно столько же времени, сколько заняла бы в любое другое утро. Удивительно было, что рука помнила, где нажать на язычок рулетки, хотя сам он с трудом помнил, зачем ещё сегодня открыл мастерскую.

Когда мужчины ушли, Жанна выглянула им вслед.

— Хорошие люди. Привезли молчаливый.

— Не включали.

Она медленно повернулась к нему.

— Герман.

— Что?

— Не надо.

Он поднял ладонь. Сам понимал, что пошутил не вовремя. Но это была первая за утро шутка, которая пришла к нему раньше, чем он успел испугаться.

На стеллаже стоял чайник с приклеенной к ручке бумажкой. Его принесли в пятницу: то включался, то не включался. Герман утром собирался закончить ремонт, но вместо этого выслушал мнение утюга о женском гардеробе. Он поставил чайник на верстак.

— Сейчас доделаю. Если дело во мне, далеко ходить не надо.

Жанна не ответила. Он раскрыл коробочку с уже подготовленной деталью, отодвинул бумаги. Работа вернула ему немного сосредоточенности. Пока руки делали знакомое, не требовалось решать, живой ли предмет у правого локтя и насколько вежливо сидеть к нему спиной.

Закончив, он закрыл корпус, осмотрел чайник и унёс к мойке. Налил воду до привычной отметки, вытер снаружи, поставил на подставку. Жанна следила за ним так, как покупатель следит за пересчётом денег.

— На том же месте? — спросила она.

— На том же.

— И всё так же?

— Нет. У кофеварки другая неисправность. И у утюга. Совсем одинаково не получится. Он нажал клавишу. Вода зашумела.

Жанна сложила руки на коленях.

— Здравствуйте, — сказала она.

Чайник продолжал шуметь.

Герман посмотрел на дверь: хорошо, что грузчики уже ушли.

— Если вы что-нибудь хотите сказать, сейчас можно, — добавила Жанна.

Ему стало жалко её. Не потому, что она разговаривала с чайником; он сам через секунду сделал бы то же самое. Просто Жанна умела обращаться к любому человеку так, будто всё ещё можно уладить, а тут не помогал даже её голос.

Чайник вскипел и выключился.

Они подождали ещё немного. Герман записал рядом с номером заказа время проверки. Отсутствие ответа хотелось обвести рамкой и повесить над столом. Вместо этого он проверил отключение, убрал чайник в сторону и позвонил владельцу: можно забирать после четырёх. О том, что дополнительная проверка на разговорчивость пройдена успешно, не сообщил.

— Ну вот, — сказала Жанна.

— Пока вот. Те тоже не сразу заговорили.

— Дай хоть минуту порадоваться.

Он отодвинул от неё список. Минута ей действительно полагалась.

На телефоне было без четверти час. Герман вспомнил, что собирался утром сбегать за хлебом и сыром. Жанна прижала ладонь к животу, как будто успокаивала там ещё одного недовольного собеседника.

— Я за едой, — сказала она. — Тебе с чем?

— Что будет.

— Это не начинка.

— С капустой.

— Вот. Видишь, умеешь.

Она собрала чеки, оставила блокнот раскрытым на нужной странице и вышла. Герман услышал её шаги во дворе, потом короткий разговор с Павлом Тимофеевичем. Слов разобрать не удалось. Ему захотелось немедленно выйти и проверить, не рассказывает ли она про утюг, но он остался сидеть. Через полтора года знакомства можно было хотя бы дать человеку купить пирожок без надзора.

В мастерской стало непривычно просторно. Герман перенёс холодный утюг на отдельную полку, кофеварку оставил на столе. Оба шнура лежали перед ним; вилки никуда не были вставлены. Он поймал себя на том, что старается не ставить приборы лицом к стене. У кофеварки ещё можно было назначить лицом сторону с кнопками. С утюгом такой ясности не было.

Он взял список, нашёл телефон Ларисы Викторовны и набрал.

— Подменный нормально работает? — спросил он, когда она ответила.

— Да. Только тяжёлый. Вы что-нибудь нашли?

Герман потеребил край бумаги.

— Причину пока не нашёл. Ещё один прибор есть с похожим...

Он посмотрел на написанное утром «Посторонний звук» и закончил иначе:

— Тоже разговаривает.

Лариса некоторое время молчала.

— Ваш?

— Ремонтировал на прошлой неделе.

— Значит, всё-таки не у меня.

В её голосе вдруг стало столько облегчения, что Герман опустил глаза. Она с утра спорила, возмущалась, требовала правильно заполнить бланк. О чём она подумала в первые минуты на собственной кухне, он не спросил.

— Не у вас, — сказал он. — Я тоже слышу. Второй прибор мы вообще втроём слушали.

— Хорошо. То есть ничего хорошего, конечно. Но спасибо, что позвонили.

Утюг она разрешила оставить до завтра. Когда Герман предложил ещё раз созвониться вечером, отказалась: после работы собиралась к сестре, а если появится ясность — пусть напишет. Перед тем как закончить разговор, Лариса добавила:

— Если он там будет про юбку, вы не поддерживайте.

— Не буду.

— Она хорошая. Просто села после стирки.

Он пообещал ещё раз. После звонка нашёл в ящике чистый хлопчатобумажный лоскут и накрыл им пыльную коробку рядом с утюгом. Это не имело отношения к юбке, но делать что-нибудь было легче, чем вспоминать, как уверенно он утром спрашивал про телефон.

Жанна вернулась с бумажным пакетом и двумя стаканчиками. Один поставила возле его руки.

— Кофе, — сказала она. — Человеческий. Мне сделали без замечаний.

— Дорогой?

— Теперь уже не знаю, с чем сравнивать.

Они ели у приёмного стола. Капуста из пирожка выпадала, и Герман подставил ладонь; Жанна молча подвинула ему салфетку. Из двора пахло нагретым вином. Кто-то собрал рекламные растяжки, и теперь из окна были видны только две свернутые трубы, прислонённые к стене.

— Мне надо в магазин, — сказала Жанна. — Я Оксане написала, что задержусь на час. Уже почти два.

— Езжай.

— Я сначала вот этим позвоню.

Она кивнула на список. Герман хотел возразить, что может сам, но номера четырёх покупателей были у неё и узнавать голос мастера они не должны были. Он снова подвинул бумаги, убрав с них крошки.

Первым оказался покупатель вафельницы. На вызов он не ответил. Жанна оставила сообщение с просьбой перезвонить насчёт прибора. Вентилятор покупали для маленькой парикмахерской; там ответила женщина, которая сама его не включала и обещала спросить у смены. На вопрос, нет ли необычного шума, сказала, что в парикмахерской, к сожалению, всегда необычный шум. Жанна поблагодарила и не стала уточнять.

Третьей она набрала покупательницу пылесоса.

— Алла, здравствуйте. Это Жанна, «Снова в дело». Вы у меня робот забирали в среду. Хотела узнать, как он у вас.

Она посмотрела на Германа, прикрыла рот ладонью и беззвучно произнесла: «Дома».

— Нет, отзыв пока не нужен. Именно по работе. Нет ли...

Жанна замолчала.

Герман перестал жевать.

— Я понимаю, что вы смеётесь, — сказала она. — А он что именно говорил?

Из телефона донёсся быстрый женский голос. Герман не разобрал слов, но услышал, как на заднем плане кто-то молодой крикнул: «Не надо так!»

— Алла, — перебила Жанна. — У меня мастер рядом. Можно на громкую? Да, тот самый. Нет, не для отзыва.

Она нажала кнопку и положила телефон между ними.

— ...говорю вам, сначала я думала, Федя где-то прячется. Он иногда таким голосом говорит, когда ничего не хочет. Но Федя в ванной зубы чистил. Я нажала уборку, а этот мне: «Сейчас не поеду».

Герман взял ручку.

— Дальше что было?

— Дальше я сказала, что это мы ещё посмотрим. И вот смотрим до сих пор. Он под кроватью.

— Застрял?

— Если бы застрял, он бы хоть на одном месте стоял. А он от меня ездит. Там у стены его, видимо, всё устраивает.

— Он сейчас говорит?

— Сейчас говорит, что его нет.

Жанна села ровнее.

— Алла, мы можем приехать? Посмотрим на месте. Бесплатно.

Герман глянул на неё, и она отвела глаза. Слово опять выскочило раньше, чем она успела обсудить его с человеком, который должен был ехать.

В телефоне что-то зашуршало. Алла ответила, что находится дома, до трёх свободна, потом надо забирать заказ. Адрес был в Заволжье. Жанна повторила номер подъезда, этаж и код домофона, записывая на обороте салфетки, поскольку чистый лист лежал под пакетом с пирожками.

— Федю только предупредите, чтобы ничем под кровать не лазил, — сказал Герман. — Мы скоро.

— Да он как раз не лазит. Это я шваброй пыталась.

— Шваброй тоже не надо.

— Она сухая.

— Я понял. Всё равно пока оставьте.

Звонок закончился. Герман поставил галочку напротив пылесоса. Возле неё написал: «Со слов хозяйки». Ручка продавila бумагу, и с оборота появилась маленькая выпуклость.

— Поедешь? — спросила Жанна.

Он отнёс свой стаканчик к мойке.

— Возьму сумку.

Павел Тимофеевич согласился принять чайник, если за ним придут раньше четырёх. Герман перенёс его соседу, передал квитанцию и отдельно сказал, что чайник самый обычный. Сосед посмотрел поверх очков.

— Мне теперь на каждый проверять?

— Не надо.

— Тогда зачем говоришь?

Ответа опять не нашлось. Герман вернулся за сумкой, проверил окно, вилки и дверь холодильника. На табличке написал номер своего телефона и «Выезд к заказчику». Такое он писал часто, но сегодня буквы вышли слишком крупными.

Жанна ждала у машины. Увидев его сумку, открыла заднюю дверь.

— Влезет?

— Пылесос влезет.

— Я про тебя с этим всем. Ты холодильник чинить собрался?

Он убрал сумку за сиденье и сел рядом. Жанна сняла с приборной панели квитанцию за парковку, убрала в боковой карман и некоторое время искала там же ключ. Ключ всё это время оставался у неё в другой руке. Герман заметил, но промолчал. Утренней рулетки для одного дня было достаточно.

Из двора у Новоторжской они выехали, когда солнце уже добралось до нижних окон. На улице Тверь занималась понедельником: разгружали коробки, девушка несла букет в прозрачной плёнке, водитель перед ними никак не мог решить, пропускать ли пешехода, который сам махал ему ехать. Герман смотрел на людей с облегчением. Ни один не догадывался, что в его сумке среди отвёрток лежит лист с семью вещами, за которые он больше не мог поручиться.

На мосту Жанна приоткрыла окно. Под ними показалась Волга, за ней — другой берег с домами и деревьями. С переднего сиденья её машина казалась Герману совсем маленькой. Раньше он видел её в основном снаружи, когда Жанна просила придержать какую-нибудь дверцу.

— Ты раньше к покупателям ездила? — спросил он.

— Конечно. Стиральную помнишь, которую мы вдвоём еле выгрузили? Я потом ещё раз ездила: женщина сливной шланг слишком низко положила. Сначала думала, что мы ей продали стиральную речку.

Он улыбнулся.

— Ты тогда мне не сказала.

— Разобрались. Чего тебя дёргать.

Жанна перестроилась и положила обе руки на руль. Герман вдруг представил, сколько таких мелочей происходило с его работой после того, как дверь мастерской закрывалась. У него оставались суммы, даты, заменённые детали. А дальше люди везли всё это в квартиры, включали среди своих вещей, ругались, радовались и звонили чаще ей.

— Сегодня хоть вдвоём, — сказал он.

— Сегодня особенно надо было вдвоём. Алла мне сейчас ещё написала.

— Что?

— Просит не звонить в домофон. Они его вроде почти выманили.

Герман повернулся к ней.

— Чем?

— Не спрашивала. Боюсь отвлечь.

Перед их машиной зажёгся красный. Жанна затормозила, поправила зеркало и добавила:

— Надеюсь, хотя бы не вторым пылесосом.

Глава 4. Куда делся пылесос

Алла открыла дверь босиком, с одной заколкой в волосах и второй в зубах. На плече у неё висела светлая футболка. Увидев гостей, она вынула заколку и почему-то спрятала её в карман шорт.

— Только тихо. Он уже к краю подъезжал.

Из квартиры пахло мокрым полом и чем-то сладким. Жанна сняла туфли, поставила их возле детских кроссовок. Герман долго боролся со шнурком: узел затянулся, а ставить сумку на чистый пол он почему-то не решался. Алла забрала её у него и отнесла в комнату.

— Федя, это мастер. И Жанна, у которой мы брали.

Мальчик лет одиннадцати выглянул из спальни. Одно колено у него было серое, другое чистое. В руке он держал блюдо с раскрошенным печеньем.

— Зачем печенье? — спросила Жанна.

Федя посмотрел на мать.

— Ну, он же пылесос.

— Это мы пробуем, — сказала Алла. — В интернете ничего про такое нет.

Жанна едва не ответила, что теперь скоро будет. Успела прикусить язык.

Спальня оказалась маленькой, с большой кроватью и шкафом, дверцу которого можно было открыть, только стоя сбоку. На покрывале лежали сложенные стопками вещи, у стены — пустые коробки. Алла объяснила, что с утра разбирает летнее. Она рассказывала это так, будто Герман приехал проверять порядок и мог не подписать какой-нибудь акт.

— Мы его для уборки брали, — напомнила она Жанне. — Я специально спрашивала, подлезет ли под кровать.

— Подлез.

— Да. Эта часть у нас хорошо работает.

Герман опустился на одно колено, посветил под кровать маленьким фонарём. Чёрный круг стоял за дальней ножкой. До нижнего края рамы оставалось несколько сантиметров. Жанна помнила, как снимала этот пылесос для объявления: пришлось лечь на пол, иначе на каждой фотографии в блестящей крышке отражался её нос.

— Вижу, — сказал Герман.

— Нет, — ответили из-под кровати.

Он не убрал фонарь, но выпрямился. Жанна смотрела на затылок человека, который утром уже разговаривал с утюгом, и всё равно заметила, как напряглась у него шея.

— Что «нет»?

— Не видишь.

Голос был низкий и негромкий, с короткими паузами между словами. Не сердитый. Скорее такой, каким отвечают из-за двери, когда уже надели домашние штаны и никуда идти не собираются.

Алла широко развела руки. Федя торжественно поставил блюдо на комод.

— Вот, — сказал он. — А папа велел батарейки в пульте поменять.

— У вас есть пульт? — спросил Герман.

— От телевизора, — пояснила Алла. — Он по телефону не понял. На работе сейчас. Я ему видео отправила, он пишет: «Хорошо, молодцы».

Жанна наклонилась рядом с дверным косяком.

— Выезжай. Мы просто посмотрим.

Из-под кровати слышался лёгкий шорох. Чёрный круг сдвинулся за ножку так, что его почти не стало видно.

— Неинтересно, — ответил он.

— Тебе неинтересно или смотреть неинтересно?

Ответа не было.

Герман снял часы, убрал их в карман и лёг на бок. Алла принялась извиняться за пыль. Он сказал, что это его работа, и вытянул руку под кровать. Пылесос отъехал ровно настолько, чтобы до верхней кнопки не хватило ладони.

— С другой стороны можно подойти? — спросил Герман.

Алла сдвинула коробки. Жанна прошла между кроватью и шкафом, присела и увидела пылесос сзади. Маленькие боковые щётки стояли неподвижно. Сам он чуть поворачивался на колёсах, словно выбирал, кому из них удобнее показывать эту неподвижность.

— Теперь ко мне ближе, — сказала она.

Пылесос немедленно отъехал к Герману.

— Не объявляй, — попросил тот.

— А как тебе сообщить?

— Пока никак.

Жанна просунула руку. Пальцы коснулись прохладного пола. Пылесос развернулся и укатился в середину, где от него было одинаково далеко до обоих взрослых.

Федя прыснул.

— Он понимает.

— Мы тоже начинаем, — сказала Жанна.

У неё затекла нога. Она сменила положение и задела дверцу шкафа плечом. Та приоткрылась, выпустив на пол рукав свитера. Алла поспешно запихнула его обратно.

— Я только на минуту вещи достала. Он утром нормально выехал, я попросила кухню пройти. Потом коридор. Потом здесь, под кроватью. Я опять кнопку нажала, а он сказал: «Сейчас не поеду». Я подумала, это Федя, мы стали искать. Потом он всё-таки сюда заехал. И всё.

— Щётки работают? — спросил Герман.

— Работают. Пока я не смотрю, мне кажется, прекрасно всё работает.

Жанна с трудом поднялась. На чёрных брюках, прямо под коленом, появилась белая полоса. Она провела по ней ладонью и только размазала.

— А если кровать чуть сдвинуть?

Алла оглядела шкаф, тумбочку, стену.

— Мы её втроем ставили. Я, Максим и его брат. Потом брат сказал, что следующий раз только вместе с квартирой.

Герман выбрался, сел на пятки и посмотрел на основание. Жанна увидела, как он мысленно примеряет инструменты из сумки. Наверняка можно было что-нибудь отвинтить. После этого пришлось бы решить, куда положить матрас, куда убрать одежду и кто повезёт Аллу за заказом, пока в квартире будут собирать обратно кровать.

— Может, он сам выедет, когда мы уйдём, — сказала она.

— Он при вас хоть разговаривает, — ответила Алла. — Мне уже полчаса говорит, что его нет. Я его купила, я знаю, что он есть.

Жанна поджала губы. Смеяться над хозяйкой было нельзя, но смеяться над покупкой, которая официально отрицала своё существование, очень хотелось. Она повернулась к окну, якобы посмотреть, не с той ли стороны удобнее дотянуться.

Федя присел возле Германа.

— У него имени нет. Может, если назвать, он лучше будет?

— Попробуй, — сказала Алла. — Только не как хомяка у Даши.

Жанна не удержалась:

— А как хомяка?

— Владимир Александрович. Учитель технологии. Нам потом на собрании было неудобно.

Федя посмотрел под кровать.

— Шарик.

— Плоский, — отозвался пылесос.

Алла закрыла лицо ладонью.

— Всё. Я не могу.

Герман вдруг засмеялся. Не тем осторожным смешком, каким утром отвечал Жанне, а громко, с коротким выдохом; пришлось опереться рукой о кровать. Федя довольно улыбнулся. Жанна подумала, что никогда не видела у Германа такого лица. Оно оказалось моложе и немного беспомощнее привычного. Хотелось задержать его таким ещё хоть на минуту.

— Давайте сначала достанем, — сказал он, отдышавшись. — Потом назовёте.

— Мы достаём, — напомнила Алла.

Из-под кровати раздалось:

— Это точно.

На этот раз засмеялась и она. Села на край, сняла с плеча футболку и сразу перестала походить на хозяйку, у которой проверяют квартиру.

Герман вытянул руку к блюдцу, но не взял его.

— Печенье не надо. Только лишнюю уборку устроим.

— Я две крошки положил, — сообщил Федя.

— Я вижу.

— Остальное съел.

— Тем более убери.

Мальчик поднял блюдец и унёс на кухню. Алла пошла за ним принести влажную салфетку для Жаннинных брюк. Герман остался на полу и выключил фонарь.

— До кнопки бы добраться, — сказал он тихо. — Остановить, вынуть, посмотреть. А я его только гоняю.

— Он слышит.

— Да уж понял.

Жанна посмотрела на свободное место возле двери. Туда пылесос ещё ни разу не приблизился, хотя оттуда его проще всего было взять. Она присела на корточки, стараясь не задеть испачканной штаниной край кровати.

— Ты от нас прячешься?

— Сейчас да.

— А раньше?

— Я стоял.

— Зачем?

Он помолчал.

— Там мокро.

Жанна обернулась. Пол возле двери блестел, но она решила, что это от окна. Теперь, когда смотрела с другой высоты, стало видно: между кроватью и выходом тянется влажная полоса. Её собственные следы пересекали полосу в двух местах.

— Алла, — позвала она. — Вы пол мыли?

— Да. Перед вами. Чтобы не совсем ужас.

Хозяйка вернулась с упаковкой салфеток. Посмотрела вниз, потом под кровать.

— Ты из-за этого не выезжаешь?

— Сначала из-за этого.

— А сказать?

— Ты шваброй.

Алла открыла рот, закрыла и сунула салфетки Жанне.

— Швабра была сухая. Я насадку сняла вообще. Хотела подтолкнуть тихонько.

— Я понял, — сказал Герман.

— Он не понял.

— Я тоже сначала швабры не видел.

Жанна вытерла брюки. Белая полоса стала тёмной, что в целом ничего не улучшило. Пол был мокрым только у выхода; Алла успела протереть доступное место, а потом, увидев, что пылесос так и не выезжает, принялась доставать его. Теперь трое взрослых и ребёнок по очереди занимали единственный удобный проход.

Герман поднялся, подал Алле сухое полотенце, которое та принесла следом за салфетками. Она протёрла пол возле двери. Федя хотел помочь, но мать отправила его убрать со стула одежду: если уж начинать уборку заново, пусть у каждого будет собственное место.

Герман отнёс сумку в коридор. Жанна вышла за ним. Они постояли молча, слыша, как Алла двигает полотенце носком.

— Двое специалистов, — сказала Жанна вполголоса.

— Один. Ты торгую.

— Спасибо, что оставил мне возможность оправдаться.

Из спальни показалась Алла. На носке у неё висело полотенце.

— Всё. Сухо.

Герман заглянул за дверь.

— Проход свободен. Можешь выехать.

Пылесос не ответил. Сначала Жанна решила, что теперь им предстоит ещё полчаса извиняться перед ним, но через несколько секунд услышала тихий ход колёс. Чёрный круг показался из-под кровати, задержался у влажного следа, который Алла пропустила возле ножки, объехал его и остановился в дверях.

В узком коридоре сразу стало тесно. Жанна отступила к вешалке, Герман прижал сумку к ноге. Робот повернулся, будто их обоих расставили неправильно.

— Дальше, — сказал он.

— Куда дальше? — спросила Алла.

— Ногу.

Она подняла правую ногу. Пылесос остался стоять.

— Другую.

Алла переступила, и он проехал мимо. На кухне Федя убрал блюдо с табуретки и торопливо отодвинул саму табуретку. Робот не поехал за ним; свернул в другую комнату, к зарядной базе у стены.

— Заряжаться? — спросил Герман, идя следом.

— А что ещё?

Он дождался, когда пылесос приблизится к базе.

— Я тебя сейчас посмотрю. Ненадолго.

Нажал верхнюю кнопку, убедился, что колёса и щётки стоят, и взял корпус за края. Жанна увидела на нижней стороне несколько длинных волос и нитку, намотанную возле боковой щётки. Ничего, из-за чего понадобилось бы вызывать двух взрослых через полгорода.

— Что ты делаешь? — спросил пылесос.

— Уберу нитку.

— Я её не брал.

— Знаю.

Герман выключил его боковым переключателем. Обычный щелчок прозвучал неожиданно громко. Федя шагнул ближе. Алла положила руку ему на плечо, но мальчик не испугался, только наклонился, чтобы лучше видеть щётку.

— А где у него голос? — спросил он.

Герман снял нитку, осмотрел корпус.

- Вот этого я пока не знаю.
- Там динамик должен быть.
- Не такой, чтобы так разговаривать.

Жанна ждала, что мастер начнёт объяснять, какие именно звуки устройство может издавать само, но он лишь убрал нитку в снятую с салфеток упаковку и включил питание. Поставил пылесос на пол перед базой.

- Готово.
- Что готово?
- Нитку убрал.
- Ну.

Федя засмеялся. Робот подался вперёд, поправил направление и встал на зарядку. Алла наклонилась, проверяя огонёк.

- Не сломался?
- По тому, что вижу, нет. Волосы и нитки убирать всё равно надо. А с разговором...

Он не закончил. Жанна слышала, как этот разговор оброс привычными словами: кнопка, щётка, огонёк, заряжаться. Ещё утром люди, наверное, кричали друг другу из комнаты в комнату. Теперь Алла уже держала в руках пакет, чтобы собрать печенье с пола, а Федя спрашивал, можно ли показать роботу машинку, которая тоже ездит от батареек.

- Дай ему пока постоять, — сказала мать.
- Я рядом поставлю.
- Потом.

Жанна прислонилась к дверному косяку. Алла посмотрела на неё, и выражение лица у хозяйки изменилось: беспорядок можно было убрать, со странной покупкой предстояло решать.

- Он теперь всегда так будет?
- Я не знаю, — сказала Жанна.
- А вы знали, когда продавали?

— Нет. При вас же включали. Он тогда просто ездил. Сегодня утром женщина принесла мастеру утюг. Я привезла кофеварку. Мы поэтому и звоним.

- Утюг тоже под кровать?
- Нет, утюг только замечания делает.

Алла посмотрела на своё плечо, где всё ещё темнела мокрая полоса от футболки.

— Тогда утюг мне не предлагайте.

Жанна улыбнулась, но не стала менять тему.

— Если хотите вернуть, разберёмся. Или оставим пока у вас, а когда поймём больше, я позвоню.

Федя перестал двигать игрушку, которую всё-таки успел принести. Сначала посмотрел на мать, потом на пылесос.

Алла прошла на кухню. Жанна пошла за ней. На столе стоял открытый ноутбук, рядом — стопка подписанных конвертов. У окна сушилась кисточка с остатками зелёной краски. Квартира оказалась занята гораздо большим количеством дел, чем было видно из спальни.

— Я его покупала, чтобы меньше бегать, — сказала Алла тихо. — А сегодня с утра только вокруг него и бегаю.

— Понимаю.

— Нет, вы понимаете как продавец. А у меня сейчас отпуск. Третий день. Я хотела шкаф разобрать, окно помыть и просто полежать. Знаете, без кого-нибудь, кто зовёт. Он меня из-под кровати звал.

— Что говорил?

— «Эй». Вот всё, что говорил. Я наклонялась, а он уже молчит. Потом Федя пришёл. Потом я стала шваброй. В общем, отпуск получается хороший, насыщенный.

Жанна посмотрела на конверты. На верхнем крупно было написано «Маме».

— Это тоже работа?

— Фотографии. Давно обещала разобрать. Максим напечатал зимой, мы с тех пор этот пакет перекладываем. Сегодня я решила всё закончить.

Алла убрала конверты от края, взяла пустую чашку, постояла с ней и поставила обратно.

Жанна знала это движение. Дома у неё тоже случались дни, когда любая поднятая вещь требовала ещё одного решения, а положить её назад означало признать, что час прошёл зря. Она не стала советовать Алле отдыхать. Для этого надо было сначала научиться выключать собственный телефон.

Из комнаты донёсся голос Феди:

— А она тоже может разговаривать?

— Откуда мне знать? — ответил пылесос.

— Ты же видишь.

— Машинку вижу.

Алла оглянулась на дверь, потом потёрла лоб тыльной стороной ладони.

— Оставлю, — сказала она. — До вечера хотя бы. Максим сам послушает. А то у него мы оба молодцы.

— Хорошо.

— Только вы не исчезайте. Если вдруг он не станет убирать совсем.

Жанна продиктовала второй номер, магазинный. Алла записала его в телефон и тут же позвонила, чтобы сохранить контакт. В трубке ответила Оксана; Жанна взяла телефон, коротко объяснила, что это её покупательница, и пообещала скоро вернуться.

— Ты лампу проверяла? — спросила Оксана.

Жанна закрыла глаза.

— Какую?

— Которая с прищепкой. Мужчина приехал. Ты вчера ему отложила.

— Проверяла. Отдавай.

— Коробки нет.

— Я знаю. В пакет положи, только плафон оберни.

Она вернула телефон Алле. На кухне наконец произошло что-то такое, с чем можно было справиться четырьмя предложениями.

Когда они вернулись в комнату, Герман сидел на стуле и записывал в блокнот. Пылесос стоял у базы, а Федя устроил свою игрушечную машину перед ним, оставив между ними ладонь свободного места.

— С утра? — переспросил Герман.

— Было светло.

— А до этого помнишь что-нибудь?

— Нет.

— Где тебя купили?

— Она сказала: у Жанны.

Герман посмотрел на Жанну. Алла кивнула:

— Да, я ему с утра говорила: «Я тебя у Жанны купила, сейчас ей позвоню». Потом вы сами позвонили.

Он записал ещё одну строчку и убрал блокнот. Жанна заметила, что он уже не смотрит на пылесос с тем оскорблённым вниманием, с каким люди рассматривают совершенно неправильно собранную вещь.

На выходе Алла поймала их в коридоре.

— За выезд сколько?

— Мы же сказали, — ответила Жанна. — Бесплатно.

Герман затянул шнурок, поднялся.

— Нитку сами убирайте в следующий раз. По инструкции, с выключенным питанием.

— Это я умею. Просто сегодня как-то...

— Да. Сегодня у всех так.

Алла улыбнулась, впервые спокойно. Потом заглянула ему за плечо и сказала уже сыну:

— Федя, вот только кормить больше не надо.

— Я не кормлю. Я показываю.

— Печенье машинке тоже не надо показывать.

Жанна придержала дверь, выпуская Германа. На лестничной площадке он посмотрел на часы и встряхнул рукой, будто чего-то не хватало. Потом нашёл часы в кармане и надел.

— Забирали прибор на проверку, — сказала она, когда двери лифта закрылись. — В результате я испачкала брюки, ты почистил щётку. Прибор остался дома.

— Алла его оставила.

— Я поняла. Я деньги считаю.

Он повернулся к ней. Жанна устало улыбнулась, чтобы он не начал извиняться.

— Бензин, час магазина, твоя работа. Вроде никто не виноват, а бесплатно уже получилось много.

Герман посмотрел на сумку.

— Дальше сначала договоримся, кто за что платит.

— Дальше сначала поймём, что вообще предлагаем. А то я говорю «бесплатно» и только потом слышу остальное.

Лифт остановился. Герман отодвинул тяжёлую дверь, подождал, пока она выйдет. Во дворе у детской площадки мужчина пытался надеть на маленькую девочку панаму; девочка меняла направление не хуже пылесоса. Жанна отвернулась и засмеялась. После напряжения в чужой квартире смеяться было легко и приятно.

Телефон у Германа завибрировал, когда они уже сели в машину. Он прочитал сообщение, нахмурился и увеличил текст двумя пальцами.

— Что там? — спросила Жанна.

— Холодильник.

— Тот, который сегодня привезли?

— Нет. Зуев. На прошлой неделе термостат менял.

Он повернул к ней экран.

«Герман Ильич, это что у меня такое? Соседка уже третью подругу приводит. Перезвоните, пожалуйста».

Жанна откинулась на спинку, ещё держа ключ в руке.

— Видишь, — сказала она. — А мы под кроватью жаловались.

Глава 5. Холодильник занят

Зуев ответил шёпотом. Герману сначала показалось, что он заболел.

— Вы заняты? — спросил хозяин холодильника.

— Сейчас на выезде. Что случилось?

— У меня тут сидят.

— Кто?

— Женщины. Сейчас три. Две пришли, одна привела. До них ещё одна заходила. Я в ванной разговариваю.

Герман посмотрел на Жанну. Она сидела за рулём и внимательно читала сообщения от Оксаны. На её брюках высохла неровная светлая кайма, и теперь она пыталась убрать её ногтем.

— Виктор Михайлович, холодильник работает?

— Как зверь. Холодит хорошо. Разговаривает плохо.

— Что значит плохо?

— Негромко. Они всё время просят повторить. Я с утра дверь на кухню закрыть не могу.

Герман прижал телефон к уху. Зуеву он действительно менял термостат: сначала тот пытался объяснить неисправность по телефону, потом всё-таки заказал перевозку. Кремовый двухкамерный холодильник простоял в мастерской два дня, и в четверг его забрали. Хозяин приезжал вместе с водителем, всё пытался помочь нести и только путался под руками. Перед отъездом проверил, не забыли ли нижний ящик, хотя ящик стоял внутри и дверца была заклеена.

— Когда заговорил?

— Утром. Я яйца доставал. Он сказал, что два хватит. Я сначала даже согласился. Потом дошло.

Зуев перестал шептать, но сразу понизил голос снова.

— Герман Ильич, вы зайдите, если недалеко. Мне хотя бы понять, что им говорить. Людмила сказала, вы теперь специальный мастер. Я сказал, вы нормальный мастер, просто ещё не знаете.

Он жил неподалёку от Аллы. Герман договорился, что зайдёт ненадолго, и убрал телефон.

— Ещё один, — сказала Жанна.

— Похоже. Тут недалеко. Можешь высадить меня у поворота?

Она посмотрела на него с благодарностью, которую постаралась сразу спрятать.

— Оксана к врачу записана. Я её с утра подменить обещала. До сих пор объясняю, почему не еду.

— Я обратно сам.

— Если понадобится перевозить...

— Не сегодня.

Жанна кивнула. Он мог бы попросить её зайти вместе: с ней было проще разговаривать с людьми, которые не знали, чего требовать. Но возле каждого нового имени в списке не могли стоять они оба.

У дома Зуева Герман вынул сумку, закрыл заднюю дверь и наклонился к опущенному стеклу.

— Потом скажу, что там.

— Хорошо. Только не бери с них денег за предсказания.

— Почему сразу предсказания?

— Потому что за ремонт они тебе уже заплатили.

Она уехала, прежде чем он нашёл ответ. Герман постоял у палисадника, где на двух кирпичиках лежала покрашенная доска. На доске был цветочный горшок, а в нём рос единственный высокий сорняк. Вид у него был уверенный, как у растения, за которое всё давно решили.

Зуев открыл сразу. На нём была клетчатая рубашка с закатанными рукавами. Плечо возле воротника намокло; похоже, из ванной он вернулся не только с телефоном, но и с объяснением, зачем туда ходил.

— Проходите. Только про оплату не надо, они потом ещё подумают.

В прихожей стояли четыре пары обуви. Одни женские босоножки перекрывали другие, и Герману пришлось поискать место для своих ботинок. Зуев забрал у него сумку, поставил на тумбу и негромко сказал:

— Вы уж серьёзнее. Они мне уже дверь в холодильник цветами заставили.

На кухне никакого букета не было. На краю подоконника, возле кремовой дверцы, стоял стакан с двумя веточками сирени. Одна уже завяла, вторая ещё старалась. Герман решил не уточнять.

За столом сидели две женщины. Третья стояла у окна, держа в руках блюдо. Услышав шаги, она повернулась так быстро, что чайная ложка звякнула о край.

— Вот и мастер. Людмила Степановна, — представилась она. — Я через площадку живу. Мы с Виктором Михайловичем друг друга знаем давно.

— Слишком, — сказал Зуев и тут же добавил: — Хорошо знаем.

Женщина в льняном жакете подвинула стул, освобождая Герману проход. Вторая, с коротко подстриженными седыми волосами, убрала с колен сумку. Обе смотрели на него с ожиданием, к которому он не подготовился.

Холодильник стоял в углу возле окна. На дверце висели три магнита и листок с записанным от руки временем. Компрессор работал ровно. Герман прежде всего прислушался к нему: пока ещё привычнее было проверять холодильник, чем разговаривать с ним.

— Он всегда так нагревается? — спросила Людмила Степановна, показывая на боковую стенку.

— Когда работает, тепло может быть. Не ставьте цветы так близко, прольёте.

Она отодвинула стакан.

— Это не ему. Просто поставила.

Из угла послышалось:

— Воды мало.

Герман замолчал. Голос был мужской, низкий, словно говорящий никуда не торопился. Он не совпадал ни с гудением мотора, ни с какой-нибудь вибрацией дверцы. Фраза закончилась, а обычный звук работающего холодильника продолжался.

Людмила подняла стакан к свету.

— Вот. Всё замечает.

— В стакане действительно мало, — сказала седая женщина. — Даже я заметила.

Герман почувствовал к ней немедленную симпатию.

— Нина, — укоризненно сказала Людмила. — Мы же договорились без этого.

— Без чего? Ты сказала зайти посмотреть. Я смотрю.

Зуев придвинул Герману табурет, но тот пока не сел. Он осмотрел шнур, место подключения, нижнюю дверцу. Всё находилось там, где должно было находиться в обычной кухне. Он не мог придумать, какую неисправность искать на этот раз.

— Я Герман, — сказал он в сторону холодильника.

— Слышал.

— Что слышал?

— Вас звали.

Людмила подняла палец, будто холодильник только что подтвердил её личное достижение.

— Мы обсуждали. Я говорила, что надо спросить у мастера. Виктор Михайлович считал, пройдёт.

— Я не считал. Я ждал, пока ты к себе уйдёшь.

Она не обиделась, только переставила блюдо на стол. По этому движению Герман понял, что такие разговоры здесь случались и до ремонта.

Женщина в жакете посмотрела на холодильник, потом на часы.

— Мне, пожалуй, пора. Я хотела только один вопрос.

— Спрашивай, — сказала Людмила.

— Может, не при всех.

Зуев сделал шаг к двери, и Герман почти последовал за ним. Седая Нина осталась сидеть.

— Раиса, ты нас сама с собой позвала. Мы ж у подъезда говорили.

Женщина в жакете провела пальцем по застёжке сумки.

— А вы не могли бы... — обратилась она к холодильнику и осеклась. — Как это вообще начать?

— Обычно сразу начинают, — сказал тот.

Герман всё-таки сел. На столе лежал нож с липким лезвием, стояли чашки, блюдо с остатками пирога и открытая баночка мёда. Люди явно устроились здесь не на пять минут. Из гостиной доносился телевизор; Зуев выключил его пультом и остался в дверях.

Раиса наклонилась вперёд.

— У меня дочь в Ярославле. С мужем поссорилась. Сильно. Я говорю, приезжай ко мне, тут спокойно. А она не хочет. Вот мне к ней ехать или подождать?

Герман открыл рот, но Зуев оказался быстрее:

— Вы там когда закончите, это убирать? — Он показал на тарелку с нарезанным сыром.

— С утра стоит. Или уже поздно?

— Не надо ждать, — сказал холодильник. — Убирайте сейчас.

Раиса выпрямилась.

Людмила медленно повернулась к ней.

— Ну вот.

— Я про сыр, — добавил холодильник.

Нина закрыла глаза. Уголки губ у неё дрогнули, и она спрятала их за чашкой.

Раиса долго смотрела на кремовую дверцу. Потом вдруг резко выдохнула, расстегнула сумку и стала искать что-то внутри.

— Господи. Я ведь уже подумала — билет.

— Подожди, — сказала Людмила. — Может, надо по очереди, вы же одновременно...

— Вот и поговорите по очереди.

Раиса вынула платок. Герман отвернулся к Зуеву и встал, освобождая место, чтобы тот мог убрать тарелку. Хозяин накрыл сыр крышкой от пустого контейнера, но крышка оказалась мала. Нина без слов передала другую. В течение нескольких секунд все, кроме Раисы, занимались этой крышкой с таким усердием, словно именно её не доставало для нормального продолжения дня.

— Я не знаю вашу дочь, — сказал холодильник.

Герман увидел, как Раиса кивнула. Одно короткое движение, без обиды на то, что её подвели.

— Я тоже плохо знаю, оказывается, — ответила она. — Всё советую ей приехать, а что у неё там, толком не спросила.

Зуев открыл холодильник, поставил тарелку, закрыл дверцу. Нина отпила чай. Людмила стала собирать ложки.

Раиса достала телефон и вышла в прихожую. Оттуда донеслось спокойное: «Да ничего, я просто хотела тебя услышать». Дальше она заговорила тише.

— Ну зачем вы, — сказала Людмила Зуеву. — У человека переживание.

— А у меня сыр.

Он произнёс это совсем тихо. Людмила посмотрела на него, собираясь возразить, и вдруг тоже села.

Герман положил ладони на колени.

— Я причину голоса пока не знаю. Но почему вы решили, что он может про чужую дочь сказать?

— Я не решила, — ответила Людмила. — Тут утром получилось. Я спросила, вернётся ли Витина сестра. Она на дачу уехала, с ней связь плохая. Он сказал, вечером вернётся.

— Я ему до этого сам говорил, — заметил Зуев. — Что сестра вечером приедет. Я две порции достал размораживать.

Людмила помолчала.

— При мне ты не говорил.

— Ты пришла позже.

— Откуда мне знать?

— Так я сейчас говорю.

Нина поставила чашку.

— Люда, ты уже про выигрыш спрашивала?

— Нина.

— Я на будущее.

Герман чуть не улыбнулся. Вовремя вспомнил Раису в прихожей.

Людмила разгладила скатерть.

— Мне надо было убедиться, — сказала она. — Одной-то страшно.

— Вдвоём слушали, — напомнил Зуев.

— С тобой иногда ещё страшнее. Ты сказал: «Если что, вилку вынем». Очень помог.

Герман посмотрел на холодильник. Тот молчал. Дверца с магнитом в виде рыбы выглядела совершенно непричастной к разговору, и от этого было немного легче.

— А вы что хотите? — спросил Герман.

Зуев даже не задумался:

— В магазин сходить. Я с утра собираюсь. Потом сестру встретить. У неё сумка тяжёлая.

— Я не про вас.

— А я про себя. Вы меня спросите тоже.

Людмила фыркнула. Нина поднялась и взяла со стола пустые чашки.

— Всё, я помою. Люда, собирай своё. Витя, иди одевайся.

Герман хотел было сказать, что ещё не закончил осмотр, но Зуев так быстро вышел из кухни, что задерживать его показалось жестоким. Он открыл шкаф в прихожей, зашуршал курткой. Раиса всё ещё разговаривала по телефону возле входной двери.

Нина включила воду. Людмила собрала в пакет блюдо от пирога и баночку мёда, потом снова вынула баночку.

— Это оставляю.

Из прихожей ответили:

— Люда, у меня есть.

— Этот хороший.

— У меня тоже хороший. Ты же приносила.

Она посмотрела на мёд, будто впервые заметила, что её забота уже когда-то здесь побывала. Поставила баночку на стол.

Герман наклонился к холодильнику.

— Вы сами понимаете, как это получилось?

— Что?

— Что разговариваете.

Вода у мойки стихла. Нина ждала ответа, держа мокрую чашку в руках.

— Нет, — сказал холодильник.

— До сегодняшнего утра что-нибудь помните?

— Нет.

— Здесь всегда стояли?

— Сегодня здесь.

Герман кивнул. У него был с собой блокнот, но доставать его сейчас не хотелось. Всё, что можно было выяснить таким способом, укладывалось в три одинаковых «не знаю», сказанных разными голосами. Он всё равно записал бы их позже. Пока важнее было не задерживать человека, который вырывался в продуктовый магазин из собственной квартиры.

— Я вернусь, — сказал Зуев с порога. — Вы потом сможете ещё зайти?

Герман поднялся.

— Сегодня уже нет. Завтра позвоню. По самому холодильнику жалобы есть? Температура, наледь, не выключается?

— Всё хорошо. Я же написал. То есть не написал, но говорю. Только это.

Он показал на кухню подбородком. Людмила стояла там с блюдом под мышкой и поправляла сирень в стакане.

— Её заberi тоже, — попросил Зуев.

— Завяла уже.

— Тогда тем более.

Они вышли на площадку вчетвером: Герман, Зуев, Нина и Раиса, которая успела закончить разговор. Людмила задержалась у мойки. Зуев вернулся за ней и громко, уже не шёпотом, сказал, что запирает квартиру.

— А я ещё хотела спросить, — отозвалась она.

— Завтра.

— Ты сам сказал, завтра мастер.

— Поэтому и завтра.

Людмила вышла со стаканом. Одну ветку пришлось придерживать пальцами, чтобы не выпала. Зуев повернул ключ, проверил дверь и вдруг вытянул шею, расправляя воротник. До этого Герман не замечал, как тесно ему было в собственной рубашке.

На улице Раиса попрощалась и пошла к остановке. Нина увела Людмилу в другую сторону; та успела договориться с ней о каком-то звонке вечером. Никого из них чудо не удержало до конца дня. Герман посмотрел им вслед и подумал, что сам с утра ведёт себя так, будто должен караулить каждую розетку, пока не поймёт всё до последнего.

— Вы куда? — спросил Зуев.

— Обратно в мастерскую.

— До остановки вместе. Мне там за углом.

Они пошли по дорожке между домами. У Зуева в руке была сложенная сумка, которую он всё время перекидывал из правой в левую. За поворотом он наконец развернул её и заглянул внутрь. Пусто.

— Список забыл, — сказал он.

— Вернётесь?

Зуев оглянулся на дом.

— Нет уж. Что вспомню, то и куплю.

На следующем перекрёстке он замедлил шаг.

— Герман Ильич, а это у меня одного?

— Нет.

— Много?

— Я ещё проверяю. Утюг, кофеварку, пылесос сам слышал. Теперь ваш.

Зуев прошёл несколько шагов молча.

— Пылесос тоже советует?

— Пылесос прячется.

— Умный.

Он сказал это с таким уважением, что Герман засмеялся. Зуев улыбнулся в ответ.

— Я не хочу его отдавать, — продолжил он. — Если вы про ремонт. Мне продукты куда девать? И старый он, но хороший. Я только хочу, чтобы без гостей каждый час.

— Я его и не собирался забирать без вас.

— Люда уже решила, что надо куда-нибудь везти показывать. Она как хорошее увидит, сразу всем надо. Я утром сам виноват, позвал. Думал, послушает и уйдёт.

Герман остановился у края тротуара, пропуская выезжающую машину.

— Можно ей так и сказать. Что пока без гостей.

— Можно. Но она тогда обидится, а вечером придёт помогать сестру встречать. Она всё равно придёт. Я не хочу, чтобы она обиженная сумку несла.

Машина проехала. Зуев пошёл дальше, а Герман на секунду задержался. До этого он представлял посетителей помехой, которую надо убрать из комнаты. У Зуева с ними оставалось гораздо больше дел, чем одна свободная кухня.

— Скажите, завтра я приеду к назначенному времени, — предложил он. — Если кому надо, пусть тогда зайдут. Сразу все, ненадолго. До этого я ничего нового не объясню.

Зуев посмотрел на него.

— Вы же сказали, позвоните.

Герман выдохнул. Он опять добавлял себе выезд.

— Да. Сначала позвоню. Тогда и решим. Только пока не приглашайте.

— Вот это мне нравится, — сказал Зуев. — Пока не приглашать я могу.

У магазина они расстались. Герман достал телефон, отправил Жанне короткое сообщение: «Слышал. Четвёртый. Оставил у хозяина». Следом добавил: «Холодит нормально».

Ответ пришёл, когда он уже дошёл до остановки.

«Лампа продана. Оксана ушла. Я на месте. Вечером созвонимся».

Герман убрал телефон. На скамейке сидел мужчина с пластиковой переноской на коленях. Внутри кто-то зашуршал. Мужчина наклонился и сказал: «Сейчас, потерпи». Герман едва не спросил, давно ли это началось, но из переноски совершенно обыкновенно мяукнули.

Он сел с другого края скамейки, поставил сумку между ног и впервые за день позволил себе ничего не проверять.

Глава 6. Две половины стола

В мастерскую Герман вернулся в начале пятого. Возле двери стоял человек с пустой сумкой, а за стеклом соседней мастерской Павел Тимофеевич держал чайник так, будто собирался выставить его на опознание.

— Ваш пришёл, — сказал он, когда Герман открыл дверь.

Человек с сумкой переступил порог следом.

— Я после четырёх, как вы сказали.

— Да, извините. Задержался на выезде.

Герман принял чайник у соседа, поставил на приёмный стол. Мужчина провёл пальцем по ручке, проверяя, на месте ли приклеенная бумажка с его фамилией.

— Теперь не будет через раз?

— Проверял. Включается, выключается, течи нет.

— А можно ещё раз?

Герман взял чайник, налил воды и включил. В ожидании кипения мужчина рассказывал, что у него уже был хороший чайник, но дочь отдала его знакомым, потому что этот красивее. На вопрос, почему нельзя было отдать знакомым красивый, Герман ответить не смог. Зато чайник вскипел, выключился и больше ничего не сделал.

Пока Герман сливал воду и вытирал чайник, заказчик оплатил ремонт, получил документ и попросил сохранить старую деталь. Герман вынул её из пакетика, показал. Мужчина внимательно посмотрел, будто именно теперь узнал виновного, и положил деталь в сумку.

— Для дочери, — пояснил он.

Герман кивнул. У каждого ремонта была жизнь после мастерской. Чайнику дали немного остыть, после чего заказчик убрал его в сумку и ушёл.

Павел Тимофеевич остался у двери.

— Ну?

— Что «ну»?

— Нашли?

Герман перевернул табличку на стекле, убрал листок про выезд. Открытая мастерская сразу стала похожа на обязательство, которое он забыл выполнить.

— Ещё два слышал. Пылесос и холодильник.

Сосед медленно выдохнул через нос.

— У меня радиоприёмник сегодня не включался. Я уже обрадовался. Потом шнур поправил.

— Ты чайник слушал?

— Нет. Ты сказал, обычный.

— Он обычный.

Павел посмотрел на дверь, за которой только что исчез покупатель.

— Хорошо. А то я ему сказал, мастер всё проверил.

Герман положил сумку за перегородкой. На рабочем столе стояла кофеварка; напротив, на отдельной полке, белел утюг. Оба молчали. После двух чужих квартир собственное помещение показалось маленьким. Утром здесь помещались инструменты, заказы, чашка и он сам. Теперь понадобилось место для того, что могло обидеться, пока он искал отвёртку.

Он достал блокнот, кратко записал Зуева и четыре услышанных голоса. Возле чайника добавил время второй проверки. Потом на другой странице открыл обычные заказы.

До конца дня нужно было найти направляющие для белого холодильника, сообщить женщине про крышку мясорубки и закончить насос, который он отложил ещё на прошлой неделе. Никто из этих людей не обещал ждать, пока у мастера изменится устройство мира.

Павел Тимофеевич заглянул за перегородку.

— Что-нибудь надо?

— Полтора часа, чтобы никто не заходил.

— Это я не умею.

Он уже повернулся к выходу, но остановился.

— Могу у тебя упаковку разобрать. Ты вчера просил.

Возле стены действительно стояла коробка с пакетами новых шнуров. Герман забыл, что заказал их вместе с соседом, чтобы один раз платить за доставку. Он придвинул коробку к приёмному столу.

— Если не занят.

— Мой после шести придёт. Потерял ключ, запасной у жены, жена до шести на работе. Сейчас все друг друга ждут.

Павел сел разбирать пакеты. Герман позвонил поставщику, продиктовал размеры крепления, отправил фотографии. Подходящую деталь обещали привезти послезавтра. Сын хозяйки холодильника расстроился, но согласился: продукты уже разобрали по соседям, ещё два дня продержатся. Герман записал срок, чтобы не забыть сообщить, если доставку перенесут.

С мясорубкой выяснилось, что хозяйка вообще передумала покупать крышку. Она ожидала, когда мастер сам позвонит и скажет, что её можно забрать как есть. Герман записал и это. Когда он отложил телефон, обычный список стал короче, а странный лежал рядом совершенно нетронутый.

Он перенёс кофеварку с верстака на устойчивую тумбу у кулера. Снял бачок, заменил воду, вытер капли и только после этого подключил. Отступил, освобождая себе место.

— И где? — спросила кофеварка.

Герман поднял глаза.

— Что?

— Чашка.

Утром они говорили о чашках. Для неё между тем разговором и нынешним, видимо, ничего не произошло. Герман принёс чистую кружку, поставил рядом.

— Мы ездили к другим людям, — сказал он. — Ещё пылесос разговаривает. И холодильник.

— Зачем?

— Не знаю. Ты ведь тоже.

— Я про то, зачем вы ездили.

— Посмотреть.

— Посмотрели?

Он не нашёл ответа короче «да» и сказал его.

Павел Тимофеевич вынул из пакета шнур. Замер на секунду и продолжил проверять наклейку. Герману стало легче от того, что соседу удалось остаться за своим занятием.

— Кофе есть? — спросила кофеварка.

Герман показал на банку возле кружек, потом сам убрал её обратно. Растворимый они уже обсуждали.

— Молотого нет.

— Тогда зачем чашка?

— Ты спросила.

— Я думала, у вас дело.

Сосед за приёмным столом кашлянул в кулак.

Герман повесил чистую тряпку на край мойки. В магазине за углом продавался кофе, но выходить за ним сейчас означало ещё раз отложить насос. Он остался у верстака. Некоторое

время работал молча, слушая, как Павел шуршит упаковкой. Кофеварка тоже молчала, и это постепенно перестало казаться ожиданием важного ответа.

Часа через полтора мастерская стала выглядеть лучше. Коробки ушли под стол, готовые шнуры легли в подписанный ящик, насос был собран и проверен. Герман позвонил заказчику, договорился о выдаче на завтра. Только после этого заметил, что утюг стоит на полке повёрнутым к стене. Сам же и поставил, когда освобождал место.

Он достал короткую гладильную доску, перенёс утюг на рабочий стол и включил. На коробке рядом всё ещё лежал хлопчатобумажный лоскут, которым он накрыл её перед обедом. Герман снял его, встряхнул над корзиной и положил на доску. Ткань успела смяться.

— Лучше уже не стало, — сказал утюг.

— Сейчас поглажу.

— Доска та же.

Герман улыбнулся, впервые услышав жалобу как знакомую привычку. Подождал нагрева, провёл по ткани, вернул утюг на пятку.

Павел Тимофеевич поднялся из-за стола и пришёл посмотреть.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Рукав.

Сосед посмотрел на свой синий рабочий халат.

— Что рукав?

— Завернулся.

Павел расправил манжету. Она тут же завернулась обратно.

— Так удобнее. В станок не лезет.

Утюг помолчал.

— Тогда оставьте.

— Спасибо, — сказал сосед и посмотрел на Германа. — Этот ничего. По делу.

Его позвали с улицы. Пришёл мужчина за копией ключа; Павел забрал свои упаковки, махнул рукой и ушёл. Герман догладил край лоскута и выключил утюг. Подвинул доску, оставив горячий прибор остывать на пятке в стороне от бумаг.

Когда дверь снова открылась, он уже успел решить, что сосед что-то забыл. Но пришла Жанна. В одной руке у неё был плоский пакет, в другой — телефон.

— Вечерний созвон, — сказала она.

— Ты же в магазине.

— Закрыла. Оксана завтра утром выходит, сегодня мой вечер. Что, прогоняешь?

Он убрал со стула старую деталь и отставил стул для неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.